

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 503.001.04

на базе Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» по диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук

аттестационное дело № _____
решение диссертационного совета от 21.04.2021 г. № 2

О присуждении Ефремову Алексею Александровичу, гражданину Российской Федерации, ученой степени доктора юридических наук.

Диссертация «Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации» по специальности 12.00.13 – Информационное право принята к защите 14 января 2021 г., протокол № 1 диссертационным советом Д 503.001.04 на базе Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», созданного в соответствии с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 09.04.2013 г. № 192/нк (адрес: 117218 Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34).

Соискатель Ефремов Алексей Александрович, 1979 года рождения, в 2001 году окончил Воронежский государственный университет по специальности «юриспруденция». Диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Реализация конституционного принципа свободного перемещения финансовых средств (на анализе рынка корпоративных эмиссионных ценных бумаг)» защитил в 2004 году в диссертационном совете, созданном на базе Волгоградской академии МВД России. В 2016 году присвоено ученое звание «доцент».

Соискатель ученой степени доктора юридических наук в период подготовки диссертации с ноября 2018 года по настоящее время работает в ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» в отделе административного законодательства и процесса в должности старшего научного сотрудника, а также занимает должности доцента кафедры международного и евразийского права ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» и ведущего научного сотрудника Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Диссертация выполнена в отделе административного законодательства и процесса ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», учредитель – Правительство Российской Федерации.

Научные консультанты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор-исследователь Департамента теории

права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Владимир Борисович Исаков; доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» Людмила Константиновна Терещенко.

Официальные оппоненты:

- Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»;

- Минбалеев Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»;

- Ковалёва Наталия Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (603950 г. Н. Новгород, проспект Гагарина, дом 23), в своем положительном отзыве, подписанном заведующим кафедрой административного и финансового права, доктором юридических наук, профессором А.В. Мартыновым и утвержденным проректором по научной работе доктором физико-математических наук, доцентом М.В. Иванченко, указала на следующие дискуссионные замечания: 1) автор неоднократно высказывается за дальнейшую разработку и отражение в международно-правовых текстах принципа суверенного равенства государств в сфере регулирования информационных отношений (п. 9 Положений, выносимых на защиту, с. 48, пар. 1 Главы 2, с. 100 и др.), при этом автор вполне обоснованно указывает множество практических трудностей как в плане разработки и принятия таких решений на международном уровне, так и в практической реализации таких положений с учетом прямого или косвенного доминирования отдельных государств и контролируемых ими международных неправительственных организаций, фактически сосредотачивающих в своих руках управление сетью Интернет или, по крайней мере, значительными ее сегментами. С учетом этого не совсем понятна позиция автора относительно практической реализации данного принципа и возможности формирования для этого действенных инструментов на международном уровне; 2) вызывает вопросы позиция автора относительно утверждения о необходимости расширения практики «многосубъектного» регулирования (п. 11 и 14 положений, выносимых на защиту, пар. 4 Главы 2, с. 170 и др.) информационных отношений в части его практической реализации. В условиях транснациональности и глобализации

активное взаимодействие регуляторов с различного рода ассоциациями ИТ-рынка безусловно необходимо, но, в тоже время, обеспечение представительства именно национальных интересов в первую очередь будет зависеть от уровня технологического развития государства и развития внутреннего ИТ-рынка, в противном случае «репрезентативность» таких участников скорее будет вызывать сомнения. Аналогичный вопрос в отношении утверждения автора о необходимости дальнейшего распространения практики использования инструментов транснационального народного суверенитета (п. 14 положений, выносимых на защиту, с. 210) в виде публичных консультаций и оценки регулирующего воздействия проектов международных правовых актов и нормативных документов ЕЭК и Международного союза электросвязи. Утверждения автора в большей степени базируются на анализе такой практики в рамках ЕС (с. 173-174), тогда как результаты публичных консультаций в рамках ЕАЭС пока демонстрируют низкую степень участия адресатов регулирования (с. 176); 3) утверждение автора о необходимости обеспечения системной взаимосвязи положений о государственном суверенитете между различными документами стратегического планирования с учетом их иерархической и функциональной взаимосвязи (с. 19), с одной стороны, не вызывает сомнений. С другой стороны, аргументы в пользу их слабой взаимосвязи, основанные на контент-анализе и статистическом анализе, указывающие на слабый уровень их отражения/закрепления в документах стратегического планирования требуют более детального пояснения. В данном случае должны приниматься в расчет направленность и цели принимаемых документов, и их взаимосвязь с содержанием; 4) автором вводится система критериев оценки уровня обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве к числу которых он относит: наличие цели обеспечения суверенитета, прогнозирование угроз обеспечению суверенитета, наличие и показатели обеспечения суверенитета, наличие механизма достижения цели (с. 18, пар.1 Главы 4). При этом автор предлагает включение в документы стратегического планирования в сфере информационных отношений не только выше указанных показателей, но также показателей единства информационного пространства, информационной безопасности, развития российских информационных технологий и их экспорта, а также параллельно включение в отраслевые документы стратегического планирования, предусматривающие развитие информационных технологий в соответствующих отраслях, целевых показателей, отражающих рост использования российских информационных технологий и их экспорта (с. 19). Последний тезис явно требует пояснения относительно содержания предлагаемых к включению показателей и их взаимосвязи с критериями оценки уровня обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве; 5) в качестве положения (п. 11 положений на защиту, с. 16, с. 209) на защиту автор справедливо и точно указывает три основные тенденции в сфере международно-правового регулирования международной информационной безопасности и цифровой экономики, включая формирование единых цифровых пространств (рынков), а именно: суверенизация, десуверенизация и с акцентом на обеспечение

прав человека. При этом как отмечается в работе - эти три тенденции сохранятся в среднесрочной перспективе. Однако не совсем ясна позиция автора в отношении того, какой из подходов им рассматривается как наиболее перспективный для России, ЕАЭС и отражает суть предлагаемым им решений; б) в п. 8 Положений, выносимых на защиту (с. 15) и в тексте работы (с. 81, с. 327), предлагается авторское определение термина «государственный суверенитет в информационном пространстве» как «юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональные информационные пространства)». С учетом сложившейся доктрины и традиционного понимания термина «государственный суверенитет» в такой трактовке отсутствует упоминание таких важных его составляющих как обеспечение высшей власти государства и независимости/невмешательства во внутренние дела.

Соискатель имеет 180 опубликованных научных работ, в том числе в РИНЦ – 175, в SCOPUS - 2, в Web of Science - 4, из них по теме диссертации опубликовано 72 научных работ общим объемом 55,2 печатных листов, в том числе 23 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России и 2 – в изданиях, включенных в международную базу научного цитирования SCOPUS.

Наиболее значимые научные работы по теме диссертации:

1. Ефремов А.А. Проблемы экспериментального нормотворчества в сфере цифровых инноваций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 53–60. (0,49 п. л.).

2. Ефремов А.А. Экспериментальные правовые режимы для цифровых инноваций: зарубежный опыт и российские перспективы // Информационное право. 2019. № 3. С. 21–23. (0,49 п. л.).

3. Ефремов А.А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: зарубежный опыт и российские подходы к методике // Информационное право. 2018. № 4. С. 29–32. (0,5 п. л.)

4. Ефремов А.А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: механизмы и методика // Закон. 2018. № 3. С. 45–56. (1 п. л.).

5. Трунцевский Ю.В., Ефремов А.А. Цифровая интеграция — путь в будущее // Международное публичное и частное право. 2018. № 1. С. 6–12. (0,8 п. л. / 0,4 п. л.).

6. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 62–69. (0,81 п. л. / 0,6 п. л.).

7. Ефремов А.А. Тенденции развития правового регулирования информационного пространства // Вестник Южно-Уральского Государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 80–83. (0,3 п. л.).

8. Ефремов А.А. Обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования // Академический юридический журнал. 2017. № 2. С. 11–20. (1,02 п. л.).

9. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. (1,31 п. л.).

10. Ефремов А.А. Информационное пространство как сфера реализации государственного суверенитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1 (28). С. 22–30. (0,6 п. л.).

11. Ефремов А.А. Развитие регулирования информационной или «цифровой» безопасности в документах международных организаций // Международное право и международные организации. 2017. № 1. С. 48–55. (0,4 п. л.)

12. Ефремов А.А. Развитие правового института международной информационной безопасности // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2017. № 1. С. 32–39 (0,74 п. л.).

13. Ефремов А.А. Развитие концепций информационного суверенитета государства в зарубежной и российской политической и правовой науке // Юридический мир. 2017. № 1. С. 63–66. (0,5 п. л.)

14. Ефремов А.А. Тенденции развития института международной информационной безопасности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (27). С. 293–303. (0,72 п. л.).

15. Ефремов А.А. Проблемы реализации концепции управления рисками цифровой безопасности ОЭСР в российском законодательстве // Информационное право. 2016. № 4. С. 25–28. (0,5 п. л.).

16. Ефремов А.А. Конституционные основы и законодательное обеспечение государственного суверенитета РФ в информационном пространстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 12. С. 39–43. (0,5 п. л.).

17. Ефремов А.А. Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью // Информационное право. 2016. № 3. С. 36–39. (0,5 п. л.).

18. Ефремов А.А. Формирование единого цифрового пространства Евразийского экономического союза и обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96). С. 18–21 (0,53 п. л.).

19. Ефремов А.А. Проблемы реализации государственного суверенитета в информационной сфере // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 2. С. 54–60 (0,6 п. л.).

20. Ефремов А.А. Формирование судебной практики по вопросам оценки регулирующего воздействия // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 28–33. (0,56 п. л.).

21. Ефремов А.А. Проблемы эффективности публично-правового регулирования государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 115–126. (0,74 п. л.).

22. Ефремов А.А. Оценка регулирующего воздействия в системе институтов повышения эффективности нормотворчества // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 121–133. (0,89 п. л.).

23. Ефремов А.А. Административно-правовое регулирование информационного обеспечения независимой антикоррупционной экспертизы // Административное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 17–25. (1 п. л.).

24. Dobrolyubova E., Alexandrov O., Yefremov A. Is Russia Ready for Digital Transformation? // Digital Transformation and Global Society. DTGS 2017. Communications in Computer and Information Science. 2017. Vol 745. P.431–444. (0,9 п.л / 0,3 п. л.).

25. Yefremov A. Regulatory Sandboxes and Experimental Legislation as the Main Instruments of Regulation in the Digital Transformation // Communications in Computer and Information Science. 2019. Volume 1038. P. 82–91. (0,65 п. л.).

На диссертацию и автореферат поступили отзывы:

1. Официального оппонента Кузнецова Петра Уваровича, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой информационного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», имеющий положительный характер, в котором отмечаются положения, которые имеют дискуссионный характер или требуют дополнительной аргументации: 1) отмечая глубину анализа научных подходов к определению понятия «информационное пространство», следует заметить, что автор не рассматривает в качестве существенных его признаков такие элементы пространства, как информационная система и информационные интересы субъектов. В научном сообществе информационное пространство давно уже предполагается как «киберпространство», в смысловом его значении рассматриваемое как совокупность не только информации и общественных отношений, но и информационных систем и информационных интересов субъектов. Тем более, в тексте Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг. эти признаки считаются определяющими информационное пространство. Хотелось бы понять авторскую позицию в вопросе о том, почему названные элементы (информационная система и информационные интересы субъектов) информационного пространства он не рассматривает как существенные признаки этого понятия; 2) выделяя качественную новизну диссертации в части разработки концепции информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета и её теоретическое значение для науки информационного права, следует согласиться с автором о существовании в составе механизма множества элементов воздействия на общественные отношения с целью прогнозирования, выявления и предотвращения соответствующих угроз в информационной сфере. Однако автор в состав элементов воздействия не включил организационно-технические системы влияния на противодействие угрозам, суверенное и

приоритетное значение которых в современной действительности становится практически решающим. В документах стратегического планирования такие системы выделяются также в числе приоритетных. В связи с этим возникает методологический вопрос: существует ли «конфликт» между «юрисдикционным» и «технократическим» подходами, определяющими содержание механизма обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве (с.83 диссертации)? А может быть эти подходы имеют дуалистичный характер и имеют свои разновидности, например, «техноюрисдикционный», т.е. комплексный? 3) Одним из достоинств диссертации А.А. Ефремова является разработанная концепция принципа обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве (с.233-243 диссертации). Соглашаясь с позицией автора о закреплении этого принципа в качестве принципа информационного права и принципа информационного законодательства, все же хотелось бы уточнить позицию автора о соотношении принципа обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве и принципа суверенного равенства международного права - идентична ли их сущность? 4) Из текста диссертации не достаточно ясна позиция диссертанта и о содержании угроз реализации государственного суверенитета и их отличия от угроз информационной безопасности (с. 85). Кроме того, в тексте диссертации (с.130) упоминается предложение о необходимости перехода к разработке методик оценок рисков цифровой безопасности вместо существующих в российской практике моделей угроз информационной безопасности. Как, по мнению автора, соотносятся понятия «риск цифровой безопасности» и «угроз информационной безопасности»? 5) Заслуживает внимания позиция диссертанта о необходимости внедрения критериев и системы оценки уровня обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве, а также мониторинга правоприменения как элемента реализации народного суверенитета (п.16 и 17 Положений, выносимых на защиту, с.18, 215-216 диссертации). Известно, что названные процедуры не являются формой реализации исключительно народного суверенитета, а представляют собой нормотворческие процедуры в рамках деятельности органов государственной власти. В связи с чем, на наш взгляд, требуется пояснение этого положения диссертации.

2. Официального оппонента Минбалева Алексея Владимировича, доктора юридических наук, доцента, заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», имеющий положительный характер, в котором отмечены положения, которые носят дискуссионный характер, либо требуют дополнительной аргументации: 1) в рамках сформированного авторского концептуального подхода к информационно-правовому механизму обеспечения государственного суверенитета, автор данный механизм рассматривает как систему организационных, нормативных, функциональных и инструментально-процедурных элементов, с помощью которых осуществляется регулирующее воздействие на общественные отношения, целью которого является прогнозирование, выявление и предотвращение соответствующих угроз его

реализации в особой сфере – информационном пространстве. Представляется, что данный подход страдает рядом недостатков. Во-первых, в число элементов такого механизма не названы информационные элементы. Между тем в качестве таковых сегодня могут быть рассмотрены и современные официальные сайты и порталы органов государственной власти, государственные цифровые платформы, государственные информационные системы, которые уже выполняют определенную нормативную роль в регулировании отношений в информационной сфере. Данный элемент может быть рассмотрен в рамках организационного или, как это делает автор, функционального элемента, но, исходя из традиционного рассмотрения природы и структуры любых социотехнических и социальных систем, в них выделяется информационный элемент. В связи с этим хотелось бы узнать позицию автора по данному вопросу. Во-вторых, полагаем, что автор существенно ограничил цель данного механизма. Он отмечает, что целью его является прогнозирование, выявление и предотвращение соответствующих угроз его реализации в особой сфере – информационном пространстве. Полагаем, что конечным результатом функционирования такого механизма должна быть устойчивое функционирование и развитие государственного суверенитета, эффективное выполнение государством его функций и обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина. Предотвращение угроз является определенной задачей, которая должна решаться в рамках данного механизма. Кроме того, есть определенные сомнения в определении информационного пространства как особой сферы применительно к решению целевой установки при функционировании информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета. Конечно, когда мы говорим о государственном суверенитете, мы всегда подразумеваем определенные пространственные ограничения в рамках территориальных характеристик государства. Однако применительно к информационному суверенитету государства, наверное, более логично, говорить об информационной сфере, как более общей категории, нежели чем об информационном пространстве; 2) автором в исследовании делается вывод об усилении суверенизации правового регулирования информационных отношений, заключающейся в развитии преимущественно государственного регулирования информационных отношений и заменой им существующих механизмов саморегулирования (с. 13, 37-38 диссертации). Однако если брать опыт Российской Федерации, то приходится констатировать отсутствие саморегулирования в информационной сфере. Более того, наоборот, в рамках стратегических документов в России заявляется о необходимости развития саморегулирования. В связи с этим, наверное, данный вывод более характерен для других государств, нежели чем для Российской Федерации? В связи с поднятым автором вопросом о саморегулировании в информационной сфере и влиянии его на вопросы государственного суверенитета, хотелось бы узнать о том, какую роль в этом процессе в мире оказывает институт саморегулирования; 3) определенные вопросы вызывает и предлагаемое автором определение информационного пространства. Автор определяет его как «объект информационно-правового регулирования, сферу реализации информационно-правовых отношений,

объединяющую информационную инфраструктуру, информационные ресурсы и информационные (цифровые) технологии». При этом не совсем понятно, почему автор отдельно выделяет информационные ресурсы как разновидность информационных объектов, но не называет другие информационные объекты – информацию, информационные системы, сети и т.п. Если эти объекты являются частью информационной инфраструктуры, то и информационные ресурсы также можно рассматривать как их составляющую. Кроме того, официально законодатель сегодня отказался от использования категории «информационный ресурс» на уровне федеральных законов. В связи с этим хотелось уточнить у автора, что он понимает под ним применительно к целям использования данной категории в рамках системы информационного пространства? Также вызывает вопрос о целесообразности синонимизации информационных и цифровых технологий. Полагаем, что цифровые технологии являются частью информационных, поскольку они основаны на информации в цифровой форме; 4) Также спорным является определение государственного суверенитета в информационном пространстве». Под ним автор понимает юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональные информационные пространства). Однако полагаем, что в рамках данного определения нет некоторых существенных критериальных признаков, которые бы позволяли определить данный суверенитет как механизм системы действий и решений не только с позиции правового регулирования. Государственный суверенитет в информационном пространстве не ограничивается только правовым регулированием. Представляется, что это еще и выработка государственных решений политического значения; принятие ряда мер, осуществление действий по реализации государством возможностей функционирования в информационном пространстве и другие направления.

3. Официального оппонента Ковалёвой Наталии Николаевны, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», имеющий положительный характер, в котором отмечены положения, носящие дискуссионный характер, или требующие дополнительной аргументации: 1) авторское определение информационного пространства «*объект (курсив оппонента) информационно-правового регулирования, сферу (курсив оппонента) реализации информационно-правовых отношений, объединяющую информационную инфраструктуру, информационные ресурсы и информационные (цифровые) технологии.*» (с. 13, 64) содержит два родовых понятия, что в значительной мере осложняет его логичность. Хотелось бы услышать позицию автора для чего ему это понадобилось? 2) на страницах 82-83, автор, говоря об обеспечении государственного суверенитета в информационном пространстве, указывает, что наряду «с понятием *обеспечен* государственного суверенитета в научных исследованиях и нормативных правовых актах

используются также понятия *защиты* государственного суверенитета, *охраны* государственного суверенитета” и далее «Исходя из значения слов «обеспечить» (сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым) и «защитить» (охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности), можно сделать вывод о том, что понятие обеспечения государственного суверенитета шире, чем понятие защиты.» В целом соглашаясь с позицией автора, о том, что наиболее подходящим объединительным термином будет именно «обеспечение» государственного суверенитета в информационном пространстве, хотелось бы услышать от диссертанта почему им был отвергнут термин «охрана» государственного суверенитета в информационном пространстве? Упоминание в работе о существовании этого термина у автора присутствует, однако обоснования его непригодности нет. 3) Проведя сравнение процедур публичных консультаций в Еврокомиссии и ЕЭК, и отмечая пока низкую степень участия адресатов регулирования (с. 173-176), автор констатирует в выводе (с.177) «что в условиях расширения нормотворческой компетенции международных организаций в сфере регулирования информационных отношений возрастает роль транснационализации народного суверенитета, как основы государственного суверенитета, и «многосубъектного» регулирования, что обуславливает необходимость расширения участия граждан и представителей организаций РФ в проведении процедур публичных консультаций и оценки регулирующего воздействия проектов международно-правовых актов и нормативных документов международных организаций как в рамках Евразийской экономической комиссии, так и Международного союза электросвязи.», однако в диссертации нет предложений как можно повысить степень участия адресатов регулирования информационного пространства; 4) Хотелось бы услышать отношения автора к тому факту, что довольно большая часть российских стандартов, в том числе в сфере цифровизации бывают почти полным переводом соответствующего международного стандарта, например, ISO/IEC 20546:2019 Information technology — Big data — Overview and vocabulary «Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» (упомянутый автором на с. 199) и проект национальной стандарта ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2019 «Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» (упомянут на с. 201). Не проще ли было бы реализовать механизм распространения действия международного стандарта на территории России, вместо того, чтобы порой некорректным переводом искажать смысл заложенный в первоисточник? К тому же разработанный продукт в России, соответствующий стандартам российским, которые являются калькой соответствующего международного стандарта, не считается соответствующим международному стандарту и должен в этом случае проходить дополнительную сертификацию на соответствие международному, что лишь снижает конкурентоспособность отечественных информационных технологий. 5) На протяжении всей диссертации автор одной из «красных» линий проводит идею необходимости частно-государственного партнерства в информационной сфере, это и необходимость разработки в РФ механизмов государственно-частного партнерства в сфере

информационной безопасности и соответствующей корректировки российского информационного законодательства и законодательства о государственно-частном партнерстве в РФ (с.130), упоминает о том, что Стратегия развития трансграничного пространства доверия ЕАЭС предусматривает использование механизмов государственно-частного партнерства при создании и эксплуатации элементов данного пространства (с. 145). Указывает, что согласно Основным направлениям реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г., одним из ключевых механизмов реализации проектов в рамках цифровой повестки ЕАЭС является использование механизмов государственно-частного партнерства, в том время как национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» не содержит положений о развитии государственно-частного партнерства в сфере цифровой экономики (с.150-153). Подчеркивает, что традиционно высокий уровень участия государства в экономике стран — членов ЕАЭС и перспективность развития конкуренции правовых режимов для развития цифровой экономики и информационных (цифровых) технологий делают актуальным также развитие конкуренции правовых режимов государственно-частного партнерства в указанных сферах (с.164). Более того, диссертант указывает, что для обеспечения эффективности стандартизации как инструментально-процедурного элемента информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета РФ целесообразна гармонизация положений документов стратегического планирования РФ для активизации участия представителей РФ в международной стандартизации в сфере применения информационных (цифровых) технологий, в том числе информационной безопасности. Помимо согласованности, такие положения должны предусматривать механизм реализации, основанный на четком взаимодействии Минкомсвязи, Росстандарта, ФСБ и ФСТЭК России, а также включении на основе государственно-частного партнерства представителей бизнеса и науки. (с.203, 207, 331). А можете ли автор привести примеры успешной реализации идей частно-государственного партнерства в сфере обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве в России и/или за рубежом? б) На с. 249 автор выделяет шестой этап развития российского информационного законодательства *Формирование государственного управления регистрацией доменных имен и обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры*, при этом далее диссертант раскрывает формирование государственного управления обеспечением безопасности критической информационной инфраструктуры, одновременно на с.154 указано, что «В РФ данные функции выполняет Автономная некоммерческая организация «Координационный центр национального домена сети Интернет», которой утверждены Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ», хотелось бы увидеть обоснования формирования государственного управления регистрацией доменных имен.

4. В отзыве профессора кафедры международного и европейского права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» доктора

юридических наук, доцента Н.Е. Тюриной, носящем положительный характер, отмечено, что требует уточнения позиция диссертанта о трех разнонаправленных тенденциях в сфере международно-правового регулирования международной информационной безопасности и цифровой экономики (с. 11, 22). Отмечая разнонаправленность данных тенденций, автор говорит о возможности «соответствующей гармонизации». Поскольку гармонизация предполагает сближение, возникает вопрос: что может служить правовой основой предполагаемого сближения? Каждая из тенденций обусловлена определенным интересом, и, если соответствующие интересы суть тенденции противоположны, то одновременное существование и развитие возможны при установлении баланса между ними. С этой точки зрения гармонизация разнонаправленных тенденций вызывает сомнения. Требует дополнительной аргументации позиция диссертанта о возрастании роли транснационализации народного суверенитета (с. 11, 24) и его значении в информационно-правовом механизме обеспечения государственного суверенитета. Второй параграф главы второй называется «Формирование института международной информационной безопасности». Исходя из этого названия, можно предположить, что данный институт находится в процессе становления. Однако на с. 21 говорится, что он является «наиболее развитым нормативным элементом информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета на международно-правовом уровне». В связи с этим утверждением хотелось бы получить пояснения относительно места института международной информационной безопасности в системе международного права.

5. В отзыве профессора кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктора юридических наук, доцента М.Б. Добробабы, носящем положительный характер, отмечено, что из текста автореферата не ясно, в чем заключаются особенности применения информационно-правовых инструментов на международно-правовом и внутригосударственном уровнях функционирования информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета (с. 8, 19). Требует дополнительной аргументации позиция диссертанта об усилении суверенизации правового регулирования информационных отношений (с. 9, 16).

6. В отзыве заведующего кафедрой «Административное право, экологическое право, информационное право» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доктора юридических наук, доцента А.А. Чеботаревой, носящем положительный характер, отмечается, что из текста автореферата не ясно, каким образом различия между информационной функцией государства и государственной информационной политикой позволяет дифференцировать статическую и динамическую составляющие информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета (с. 9, 20). Требуют дополнительного пояснения указанные автором недостатки существующей информационно-правовой доктрины реализации, обеспечения и защиты государственного суверенитета (с. 10).

7. В отзыве ведущего научного сотрудника Центра проблем информационной безопасности факультета вычислительной математики и кибернетики ФГОУ ВПО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», члена Президиума Национальной ассоциации международной информационной безопасности, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора технических наук, доктора юридических наук, профессора А.А. Стрельцова, носящем положительный характер, отмечается, что требует уточнения возможность практической реализации предложения автора о необходимости распространения действия принципа суверенного равенства государств на все информационное пространство, включая функционирование сети «Интернет», посредством разработки и подписания соответствующей международной конвенции (с. 10, 21). Это тем более важно потому, что предложенная МИД Российской Федерации еще в 2011 году, что проект концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности остается практически без ответа. Требуется уточнения вывод диссертанта о существовании трех разнонаправленных тенденциях в сфере международно-правового регулирования международной информационной безопасности и цифровой экономики (с. 11, 22). Анализ резолюций заседаний Генеральной Ассамблеи ООН (2018, 2019 гг.) по проблематике международной информационной безопасности позволяет предположить, что эти данные тенденции могут рассматриваться как гармонично дополняющие друг друга.

8. В отзыве заместителя директора Департамента международного сотрудничества Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Н.С. Бабекиной, носящем положительный характер, отмечается, что в качестве дискуссионного положения, требующего дополнительной аргументации, следует указать вывод автора о разной направленности тенденций международно-правового регулирования международной информационной безопасности и цифровой экономики.

9. В отзыве заведующего кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктора юридических наук, доцента В.В. Архипова, носящем положительный характер, отмечено, что из текста автореферата не ясно, каким образом возможно разрешение конфликта между территориальным и экстерриториальным подходами к определению информационного пространства (с. 9, 17). Требуется дополнительного пояснения позиция автора о соотношении «суверенитета данных» и «цифрового суверенитета» (с. 10, 18).

Во всех поступивших отзывах на диссертацию и автореферат отмечены актуальность избранной темы исследования, обоснованность сформулированных в диссертации положений, выводов и рекомендаций; отмечено, что диссертация и автореферат соответствуют Положению о присуждении ученых степеней, а автор Ефремов Алексей Александрович, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.13 – Информационное право.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их признанным авторитетом в области информационного права, специализацией и

сферой научных исследований, наличием достаточного количества исследований по теме, рассматриваемой соискателем, способностью определить ее научную и практическую значимость.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований: - *разработана* и *обоснована* научная концепция информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации, включающая его структуру, содержание и уровни функционирования в глобальном (общемировом), региональном и внутригосударственном информационном пространстве, а также *определена* его правовая институционализация.

Оригинальные подходы, предложенные автором для исследования общественных отношений, складывающихся в процессе правового регулирования реализации, обеспечения и защиты государственного суверенитета в информационном пространстве, позволили:

- *доказать*, что информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета представляет собой систему организационных, нормативных, функциональных и инструментально-процедурных элементов, с помощью которых осуществляется регулирующее воздействие на общественные отношения, целью которого является прогнозирование, выявление и предотвращение соответствующих угроз его реализации в особой сфере — информационном пространстве;

- *обосновать*, что функционирование информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета РФ осуществляется на международно-правовом и внутригосударственном уровнях, что обуславливает различия в применении соответствующих информационно-правовых инструментов;

- *выявить* взаимосвязь реализации государственного суверенитета в информационном пространстве с информационной функцией государства (как направлением деятельности органов государства по регулированию информационного пространства) и государственной информационной политикой (как содержанием данной деятельности в конкретный исторический период), что позволяет выделять статическую и динамическую составляющие информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве посредством определения актуальных для соответствующего исторического периода направлений государственной информационной политики;

- *идентифицировать* тенденции реализации принципа суверенного равенства государств в регулировании информационных отношений;

- *определить* направления гармонизации информационного законодательства государств — участников ЕАЭС для формирования единого цифрового пространства ЕАЭС;

- *сформулировать* предложения по конкретизации законодательных основ информационно-правового обеспечения государственного суверенитета, включая комплекс предложений по совершенствованию информационного

законодательства;

- раскрыть роль прямого участия граждан и организаций в нормотворческом процессе в условиях информационного общества в РФ и в международных организациях для обеспечения государственного суверенитета;

- обосновать комплекс предложений по совершенствованию стратегического планирования как элемента информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

- автором разработана целостная научная концепция информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета;

- разработаны основы структуры, содержания и функционирования элементов данного механизма на внутригосударственном и международно-правовом уровнях его реализации;

- выработаны авторские определения понятий «государственный суверенитет в информационном пространстве», уточнено понятие «информационное пространство» ;

- систематизированы зарубежные и российские подходы к содержанию государственного суверенитета в информационном пространстве, проведена и обоснована их периодизация и классификация;

- обосновано значение обеспечения государственного суверенитета как принципа информационного права.

Все вышеуказанное в совокупности расширяет понятийно-категориальный аппарат информационного права и обогащает информационно-правовую науку новыми знаниями. Выводы и предложения, содержащиеся в настоящей работе, направлены на развитие и углубление теоретических положений, касающихся информационно-правового обеспечения государственного суверенитета, и пополняют теоретические исследования по данной проблематике.

Применительно к проблематике диссертации эффективно использован комплекс современных общенаучных способов и методов познания (диалектического, системного, исторического, структурного и функционального анализа, статистического анализа, синтеза) и специальных юридических методов (формально-юридического, сравнительно-правового, историко-правового анализа). Указанная совокупность методов использована при формулировании научной проблемы исследования, определении его цели и частных задач, разработки концепции информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета, включая разработку рекомендаций по совершенствованию информационного законодательства. Применение историко-правового и сравнительно-правового анализа позволило обосновать периодизацию и классификацию российских и зарубежных подходов к определению содержания государственного суверенитета в информационном пространстве. Функциональный анализ применен для исследования содержания и соотношения функций органов государственной власти в сфере обеспечения государственного суверенитета, статистический анализ документов стратегического планирования позволил обосновать динамику и фрагментарность

закрепления в них положений об обеспечении государственного суверенитета РФ в информационном пространстве.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что теоретические положения и выводы работы могут быть использованы:

- *в качестве доктринальной основы* для совершенствования правового регулирования информационного пространства, информационно-правовых основ формирования и развития информационного общества в Российской Федерации, государственной информационной политики и государственного управления в сфере развития информационных технологий и формирования цифровой экономики;

- *в практической работе органов государственной власти Российской Федерации* в процессе нормотворческой деятельности, разработке документов стратегического планирования и правоприменительной практики в сфере информационных отношений;

- *в учебном процессе* при преподавании дисциплин информационного права, конституционного права, международного и европейского права и права евразийской интеграции.

Оценка достоверности результатов исследования выявила, что сделанные диссертантом выводы и полученные результаты:

- базируются на фундаментальных научных разработках, выводах и предложениях ведущих ученых о содержании, реализации, обеспечении и защите государственного суверенитета, информационного пространства, а также иных проблемах информационного права;

- опираются на сравнительный анализ данных, полученных автором, и данных, полученных иными исследователями по сходной тематике исследования;

- основываются на всестороннем анализе положений Конституции РФ, международных договоров, документов международных организаций, нормативных правовых актов РФ, государств-членов, входящих в различные интеграционные объединения, материалов судебной и иной правоприменительной практики, затрагивающих различные аспекты реализации государственного суверенитета в информационном пространстве.

Личный вклад соискателя состоит в самостоятельной разработке теоретических положений и решении поставленной научной проблемы информационно-правового обеспечения государственного суверенитета, совокупность которых можно квалифицировать как значительный вклад в науку информационного права и которые могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также для дальнейших научных исследований по схожей проблематике в науке информационного права и смежных наук. Результаты проведенного исследования отражены в публикациях по теме исследования, докладывались на научно-практических конференциях и апробировались в учебном процессе, использованы при разработке Концепции комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики в рамках национальной

программы «Цифровая экономика Российской Федерации», проекта Концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС.

Работа соответствует паспорту научной специальности 12.00.13 – Информационное право, п.п.: 2, 3, 4, 6, 12, 27, 29.

На заседании 21 апреля 2021 года диссертационный совет пришел к выводу о том, что диссертация представляет собой обладающую внутренним единством научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненного автором исследования разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, и принял решение присудить Ефремову Алексею Александровичу ученую степень доктора юридических наук.

При проведении открытого голосования диссертационный совет в количестве 19 человек (очно – 14, дистанционно – 5), из них 7 докторов по специальности рассматриваемой диссертации, участвовавших в заседании, из 22 человек, входящих в состав совета, проголосовал: «за» присуждение ученой степени – 19, «против» присуждения ученой степени – 0, «воздержались» – 0.

Председатель
диссертационного совета Д 503.001.04
доктор юридических наук, профессор


И.И. Кучеров

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 503.001.04
доктор юридических наук, профессор


Н.А. Поветкина

21 апреля 2021 г.

